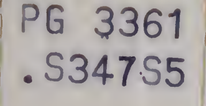

PG 3361
.S347S5

СНОВИДѢНІЕ.

ФАНТАСМАГОРІЯ.

Сочиненіе

Княжны Екатерины Шаховской.

МОСКВА.
1833

LIBRARY OF CONGRESS
00009489964

U S GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 2190

Book

YUDIN COLLECTION

СНОВИДѢНІЕ.

SHAKHOVSKAIA, EKATERINA

SNOVIDIENIE

СНОВИДѢНІЕ.

ФАНТАСМАГОРІЯ.

Сочиненіе

КНЯЖНЫ ЕКАТЕРИНЫ ШАХОВСКОЙ.

Die Seelen, denen ich die ersten sang.

Goethe.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.

MDCCCXXXIII.

PGR2190

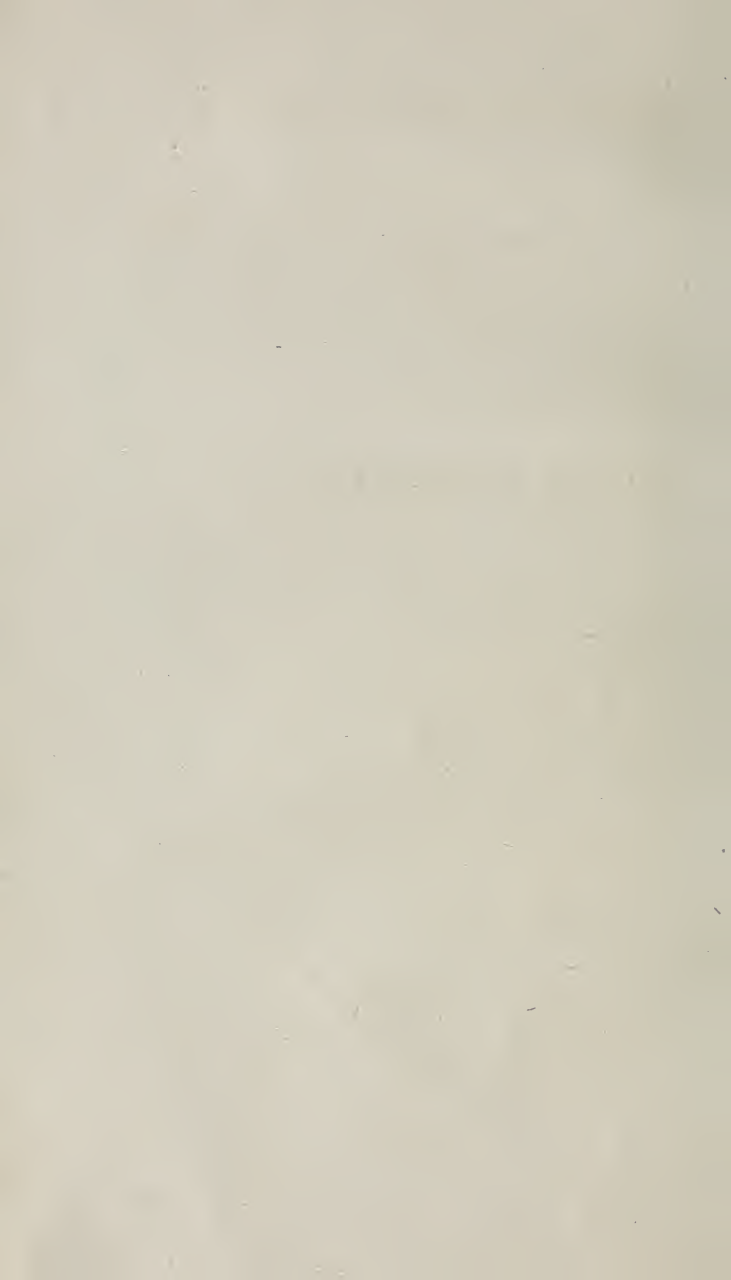
PG3361
S347S5

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюля 24 дня, 1833 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ
И. Снегиревъ.

МОЕЙ ОТЧИЗНѢ.



СНОВИДѢНІЕ.

Ужъ мракъ полуночи одѣлъ
Природу пеленою,
И мѣсяцъ ясный не свѣтилъ
Надъ бурною рѣкою;
Порывный вѣтръ, подъемля вой,
Носилъ по небу тучи, —
То волны ссорилъ межъ собой,
То лѣсъ качалъ могучій;
Сквозь тучи молнія-змѣя,
Взвиваясь, пробѣгала;
Въ волненьи вздрогнула земля,
Рѣками застонала, —

И громъ въ отвѣтъ ей прокатилъ
Свой гулъ и трескъ съ грозою;
Пожаромъ мрачность озарилъ
И несся въ даль бѣдою; —
И дождь съ испуганныхъ небесъ,
Сопутникъ непогоды,
Роппалъ, шумѣлъ, какъ грозный лѣсъ,
И лилъ ненастья воды.

И долго, послушна велѣнью души,
Внимала я бурь завыванью;
Невольно ввѣрялися чувства мои
Унылому сердца мечтанью.
Но, тайною силой объятая сна,
Заснула я, думой о бурѣ полна.
И снится мнѣ:—будто по мо́рю одна
Плыву я ненастной порою;
И плещетъ и стонетъ, бушуя, волна,
И тучи шумятъ надо мною;
И вѣтры, играя громадою волнъ,
По мо̀рю скалы воздвигали;
То къ небу вздымали мой бѣдственный чёлнъ,
То въ бездну внезапно кидали. . .

И, подобно волнъ стремленью,
Волновалася душа:
Отъ надежды къ опасенью
Я стремилась; чуть дыша,
Обращала взоръ унылый, —
Робко въ мракѣ онъ блуждалъ.
Страхъ безвременной могилы
Хладомъ душу оковалъ! . . .

Угрюмо играя страданьемъ моимъ,
Сердитыя волны завыли;
Съ пучины къ пучинамъ стремилися злымъ;
Погибелью страшной грозили.

И на берегъ крутой
Мой чёлнъ бѣдный со мной
Онѣ бросили съ видомъ презрѣнья!
И, бушуя опять,
Стали брегъ орошать,
Упреждая другъ друга въ стремленьѣ. . .
Я лежала безъ чувствъ;
Изъ хладѣющихъ устъ

Одни стоны порой вылетали.
Но мгновенно меня
Озарилъ блескъ огня
И глаза съ удивленьемъ взирали :

Вдругъ Дѣва рая ,
Красой сіяя ,
Ко мнѣ летитъ.
Ее живитъ
Восторга сладость;
Какъ сердца радость ,
Мила она;
Какъ жизни младость ,
Красой полна, —
И взоръ прекрасный
Душой блеститъ ;
Такъ неба , ясный
Спокоенъ видъ :
Какъ лучъ надежды ,
Прелестенъ онъ ;
Покровъ одежды ,
Какъ легкій сонъ ,
Сребромъ тумана

Вился вкругъ стана;
Въ ея рукахъ
Блистаетъ лира,
И вздохъ зефира
Звучитъ въ струнахъ
Музыкой рая;
И, упреждая
Взаимный путь,
Власы, какъ волны,
Привѣта полны,
Ласкали грудь. . . .
Отъ крыльевъ вѣетъ
Восторгъ святой,
И вся свѣтлѣетъ
Она красой
Очарованья. . . .

И съ привѣтомъ сожалѣнья,
Преклонясь ко мнѣ главой,
Дѣва молвила: « Сомнѣнья
И тоски не знай со мной!

Ты увидишь Россовъ славу,
Какъ свѣтило лучшихъ дней;

Безконечну, величаву,
Средь блистающихъ лучей.»

И съ вершины вдругъ стрѣлою
Понеслась она со мною
Вѣтра легкаго быстрѣй.

И спустилися мы средь ужаснѣйшей мглы,
Гдѣ всегдашнія бури грозили;
Тамъ ревѣли валы, тамъ шатались скалы,
И лѣса̀ обнаженные выли. . .

И одни мертвецы,
Могилъ мрачныхъ жильцы,
Безпріютно толпами летали. . .
Какъ средь грустныхъ гробовъ,
Слышенъ скрежетъ зубовъ:
Безнадежные стоны печали —
Тамъ, кипя между скалъ,
Потокъ грозный сверкалъ
И катилъ свои черныя воды.
Онъ не ясенъ, не тихъ,
Но туманенъ и дикъ, —
Бурь питомецъ, дитя непогоды.

Онъ, бушуя, шумитъ,
И крутитъ и бѣжитъ,
И волной своей грозитъ
Смертью горестною. . .

И черна и страшна
Водъ кипучихъ волна , —
И, какъ стонъ, грустна она,
Умирающаго ;
Брегъ крутой надъ рѣкой
Омываемъ волной ,
И поникъ надъ ней главой
Угрожающею. . .

И свѣтитъ и блещетъ тамъ пламя порой
И въ мрачныя волны глядится ;
Румянитъ ихъ страшно кровавой зарёй, —
То гаснетъ, то снова зардится. . .

И по волнамъ челнокъ, какъ дымъ синій, легокъ,
То всплыветъ, то опять исчезаетъ ;
Бережётъ его Рокъ, и угрюмый потокъ
Его самъ чернымъ валомъ ласкаетъ.

И въ ладьѣ той старикъ,
Какъ отчаянье, дикъ,
Пѣнитъ волны могучей рукою.
Все въ морщинахъ чело,
Время ихъ навело,
Заклеймила ихъ ярость собою;
И остатки кудрей
Вѣтръ, по волѣ своей,
То кидалъ, то вздымалъ надъ главою;
Дикій, яростный взоръ,
Выражая укоръ,
Адскимъ пламенемъ полонъ порою. . . .
И на брегѣ съ мольбой
Тѣни жалкой толпой,
Какъ спасенья, его ожидали.
Но пророчилъ онъ казнь! . . .
Преступленье, боязнь -
Близъ него неотступно мелькали.

Я смотрѣла на него,
Какъ на грусть разлуки;
И сулилъ мнѣ взоръ его
Безнадежность муки.

Оковали душу: страхъ,
Горе и печали;
Затуманилось въ очахъ;
Чувства замирали . . . .
Но улыбкою прекрасной,
Какъ спокойство, вѣчно-ясной,
Духъ надеждой осѣня,
Дѣва молвила моя:
«Не страшись со мной видѣній,
Ни разлуки, ни мученій: —
Силы адской сей страны
Надо мною невластны!»

«Харона зришь ты предъ собой;
Онъ, гнѣвный и могучій,
Летитъ надъ ярострной водой,
Какъ бурный вѣтръ сквозь тучи;
И Стикса черные валы
Свой вопль предъ нимъ смиряютъ.
Но видишь ли, какъ тамъ, вдали
Огни, клубясь, сверкаютъ? . . .
То пламя ада! . . . Чуждъ и мертвъ
Тамъ голосъ сожалѣнья. . . .
Оно краснѣетъ кровью жертвъ,
Жжетъ ядомъ преступленья. . . .

Но, оставляя
Ужасы тьмы,
Къ радостямъ рая
Достигнемъ мы.
Пойдемъ со мною,
Сядемъ въ ладью;
Утѣшь мечтою
Душу свою! . . . »

Безпріютная, безмолвная,
Средь блуждающихъ тѣней,
Я пошла, печали полная,
Вслѣдъ за спутницей моей.
Взбушевалась буря буйная;
Заревѣлъ сильнѣй потокъ;
Быстрота, какъ вихорь, бурная,
Понесла со мной челнокъ. . .

Скалами чернѣя, громадой ужасной
Намъ берегъ предстоялъ;
Повиснувъ надъ бездной, паденьемъ всечасно
Рѣкѣ угрожалъ.
Безмолвствуетъ область всемірной могилы
Во мглѣ гробовой;

Лишь изрѣдка стоны невнятно-унылы
Промчатся порой, —
И, вѣстники смерти въ лѣсахъ обнаженныхъ,
Лишь совы кричатъ;
Лишь призраки тѣней, пріюта лишенныхъ,
Какъ мысль, пролетятъ;
Лишь пламя ужаснаго ада зіянья
Заблещетъ вдали:
Гдѣ казнь — безъ спасенья; гдѣ месть — воздаянье
Злодѣямъ земли . . .

И шла за спутницей прекрасной
Я долго тамъ;
Являлся ужасъ повсечасно
Моимъ очамъ.
Нѣмой тоской душа заныла, —
Мечтала я:
— Уже ли ранняя могила
Взяла меня? . .

Но Дѣва, съ улыбкой взглянувъ на меня,
На даль мнѣ рукой показала:
Ярчѣе, чѣмъ солнце, прекраснѣе дня,
Тамъ что-то, какъ радость, сіяло:

Манило восторгомъ, плѣняло мечтой,
Надеждою душу ласкало, —
Лелѣяло сердце небесной красой
И счастіемъ вѣчнымъ дышало.

Ужъ мракъ ночной незримо
Предъ нами исчезалъ;
Вдругъ душу мнѣ объялъ
Восторгъ невыразимый:
Какъ будто навѣвалъ
Мнѣ воздухъ вдохновенье, —
И все передо мной
Свѣтлѣло упоеньемъ,
Блистало красотой. . .

И Лета волны,
Отрадой полны,
Тихо катитъ;
Средь наслажденья
Струей забвенья
Сладко журчитъ;
Кристаллъ прекрасный,
Какъ думы, ясный,
Души младой,
Забвенье муки,

Тоски, разлуки
Несетъ съ собой.
Ахъ, еслибъ, Лета,
Ты въ шумѣ свѣта
Для насъ текла, —
Ты бъ всей вселенной,
Тобой плѣненной,
Полнабъ была! . . .
Воспоминанья,
Души страданья
Смывала бъ ты!
Чаще печали
Волны бъ встрѣчали
Любви мечты! . . .

Носились думы тайныя
Надъ зыбкою рѣкой,
И, сладостно-печальныя,
Сливалися съ струей;
Струя ихъ въ даль незримую
Катила за собой,
Плѣняя душу сирую
Задумчивой тоской.

Но повѣялъ воздухъ рая ,
Въ сердце радость мнѣ излилъ;
Грусть мгновенно развѣвая,
Вдохновеньемъ оживилъ . . . .

Взоръ не въ силахъ былъ обнять
Неба совершенство;
Умъ не въ силахъ былъ понять
Высшаго блаженства . . . .
Я на все смотрѣла вдругъ;
Но отъ удивленья
Онѣмѣлъ мой слабый духъ :
Въ радостномъ волненьѣ
Онъ блуждалъ, какъ метеоръ,
Безъ спези, безъ цѣли.
Неподвиженъ былъ мой взоръ;
Чувства пламенѣли . . .

Но Дѣва тихо
Рукой своею
Меня взяла ;
И такъ сказала :
« Теперь узнала
Душа твоя

Все совершенство,
Восторгъ, блаженство
Святой страны? . . .
Отъ удивленья,
Отъ упоенья
Безмолвна ты! . . .»

«Но усмири твое волненье!
Здѣсь чуждо все страстей тревогъ,
Здѣсь намъ понятно вдохновенье,
И постигаемъ мы восторгъ:
Порывы ихъ душа младая
Безъ принужденья проявитъ.
Здѣсь жизнь одна—любовь святая,
И вѣкъ минутою летитъ;
Здѣсь не изгладитъ грустный опытъ
Восторговъ жизни молодой
И не раздастся мрачный ропотъ
Въ душѣ о радости былой,—
И страсти, бурныя желанья,
Покой и счастья не убьютъ
Здѣсь младость, жизнь, очарованье
Закономъ вѣчности текутъ.

Здѣсь неизмѣнно совершеспво
Непроходимъ восторгъ святой,
И вѣчность вся, какъ мигъ блаженства,
Владѣетъ радостной душой. »

« Смотри: здѣсь красы непонятной природы
Раскинуты щедро рукою Творца.
Имъ тлѣніе чуждо, законъ ихъ—свобода;
И нѣтъ имъ предѣла, начала, конца.
И чуждо здѣсь грозное бурь завыванье
Не стонутъ здѣсь воды, не ропчетъ здѣсь лѣсъ,
Не жжетъ очи яркое солнца сіянье
Видъ тучъ не туманитъ лазури небесъ:
Три солнца, какъ взоръ Творца величавы,
Лелѣютъ лазури плѣнительный сводъ
Горятъ, какъ лампады безсмертія, славы
То *западъ*, и *полдень*, и юный *восходъ*.»

« Посмотри, какъ рай дѣтей
Лучезарностью своей,
Первое свѣтило,

Какъ небесъ благихъ привѣтъ,
Разливая юный свѣтъ,
Ясно озлатило!
И, красуяся собой,
Надъ сребристою водой
Лучъ играетъ ясный!
Розъ румяную зарю
Сплелетъ на лазурь свою
Пеленой прекрасной!
И средь розъ и лилей,
Краше юностью своей
Всѣхъ цвѣтовъ прелестныхъ
Души дѣтскія живутъ
И гимнъ счастію поютъ.
Въ радостяхъ небесныхъ,
Какъ душъ первыхъ милый рой,
То летятъ они толпой, —
То рука съ рукою
Отдыхаютъ на цвѣтахъ,
Или плещутся въ водахъ
Ручейка, порою. . . .
Какъ небесная мечта,
Какъ свободы красота,
Милы дѣти рая!

Какъ къ Творцу любовь, ясна
Ихъ веселая весна,
Вѣчностью сіяя! »

« Въ яркомъ сіяньѣ лучами играя,
Видишь, другое тамъ солнце горитъ,
И, безпредѣльное небо лаская,
Въ полной красѣ величаво блеститъ?
Взора не слѣпитъ, какъ свѣтило земное,
Гордо красуясь въ сіяньѣ своемъ;
Но непонятное чувство, святое,
Въ душу вливаетъ небеснымъ огнемъ. . .
Радость роскошно въ лучахъ изливая,
Свѣтъ простираетъ привѣтливо свой
Въ Царство Героевъ, гдѣ, радость слагая,
Слава, склонилась предъ ними главой.
Лавры нетлѣнные щедрой рукою
Стелетъ она униженно къ стопамъ;
Громко звучитъ имъ безсмертной хвалою;
Вторитъ дѣла ихъ грядущимъ вѣкамъ.
Но ужъ Герои небесной душою
Выше тамъ славы, и хвалъ, и побѣдъ:
Имъ, неизмѣннымъ, довольнымъ собою,

Чуждъ самолюбія гордый привѣтъ.
Бурныхъ страстей презирая волненья,
Подвиговъ тамъ не хотятъ они вновь;
Рай ихъ безсмертнаго полнъ наслажденья;
Дружба—покоитъ, лелѣетъ—любовь.... »

«Но видишь ли, вдали—и милый и прекрасный,
Какъ добрыхъ нашихъ дѣлъ воспоминанье намъ,
Послѣдній солнца лучъ величественный, ясный,
Горитъ, играючи по чистымъ небесамъ?
Оно привѣтливо манитъ своей красою,
Какъ послѣ бурь страстей душевный нашъ покой . . . .
Смотри ты, какъ лазурь негаснущей зарёю,
Безсмертное, прозрачной пеленой
Оно заботливо, прекрасно устилаетъ,
И, безмятежное, надъ тихою водой
Свое величіе, красуясь созерцаетъ!
Земныя звѣзды тамъ своихъ глухихъ вѣковъ:—
Сіяющій огнемъ безсмертнаго свѣтила,
Блаженствуетъ сонмъ славныхъ мудрецовъ;
Премудрость дивная собой ихъ осѣнила, —
Свой сбросила для нихъ таинственный покровъ

О, какъ сходны они съ симъ солнцемъ славы
вѣчной!
Оно свой небосклонъ златитъ своей зарёй,—
Они же жизни путь унылый, скоротечный
Увѣковѣчили безсмертною душой....
Окинувъ небо все, свѣтило созерцаетъ
Въ водахъ нетлѣнную всегда красу свою,—
А слава мудрецовъ въ потомкахъ воскресаетъ,
Открывъ имъ вѣчности зарю...

«Но твой взоръ нетерпѣливый
Въ даль, я вижу, устремленъ;
Чтò жъ онъ встрѣтилъ, боязливый?
Чѣмъ онъ снова изумленъ?...
Тамъ не солнца золотыя,
Не роскошный видъ зари,
Льютъ на своды голубые
Ярко-свѣтлые лучи.»

«Чтожъ за свѣтъ очарованія?....
Какъ въ туманѣ взоръ любви,
Свѣтомъ робкаго блистанія
Льетъ луна лучи свои;

Ходитъ въ небѣ, блѣдно-ясная,
Освѣщая дальній край,
И задумавшись, прекрасная,
Серебритъ свой тихій рай.
Какъ восторга вдохновеніе,
Какъ Поэзіи мечты,
Полны счастья, упоенія
И небесной красоты,
Пролетаютъ дѣвы милыя
Тамъ воздушною толпой,
Дѣти Генія счастливыя
И небесъ любви святой. . . .
Имъ свѣтлѣетъ упованіе,
Ихъ презрѣнье не страшитъ;
И любви очарованіе
Ихъ восторгами даритъ. . . .
Грустной ревностью мученія
Не смущаетъ ихъ собой;
Ни измѣнъ, ни разлученія
Нѣтъ для нихъ въ любви святой!
Дѣвы дышутъ ей, какъ счастіемъ,
Какъ восторгъ, горитъ она;
Не клеймитъ ихъ самовластіемъ
Міра грозная рука! . . .

«Теперь ты всѣ страны небесной
Свѣтила зрѣла предъ собой,
И, ихъ красѣ дивясь чудесной,
Должна постичь ее душой.
Смотри, какъ первое свѣтило,
Шумя, бросаетъ яркій свѣтъ;
Игрою небо озлатило,
Какъ счастья радостный привѣтъ!

Оно невинности мечтаньемъ,
Душой неопытной горитъ;
Всегда свѣтлѣетъ упованьемъ
И радость вѣчную сулитъ.
Второе—въ блескѣ величавомъ
Красою гордою своей
Возвышенность души и славы,
И доблесть истинныхъ мужей
Твоимъ очамъ изобразило.
А это третіе свѣтило,
Великихъ душъ представя намъ
Премудрость, жизнь и вдохновенье,
Какъ ихъ прямое наслажденье,
Блеститъ привѣтливо очамъ . . .

Четверное—луны сіянье :
Лицемъ задумчивымъ своимъ
Любовь небесъ, очарованье,
Съ его блаженствомъ неземнымъ
Тебѣ безмолвно выражаетъ
Своей таинственной красой, —
И рѣдко, рѣдко озаряетъ
Изъ сихъ небесъ вашъ міръ земной . . . »

« Но тамъ, гдѣ слилося въ одно лишь сіянье
И чувствъ разнообразность и пылкость лучей,
Гдѣ слава, невинность, любовь, упованье,
Безсмертіе жизни великихъ мужей,
И мудрость и юность, невѣдомой силой,
Привѣтливо блещетъ одною зарею,
Тамъ рай всѣхъ Поэтовъ! И родины милой,
Сыновъ вожделѣнныхъ узришь предъ собой «

« Пойдемъ скорѣе,
Мечты быстрѣе

Несись со мной,
Туда, гдѣ слава
Такъ величава
Страны родной :»

Но роса стелетъ благодатная
Послѣ жаркихъ дней блескъ алмазный свой,
И увядшій цвѣтъ въ утро ясное
Оживляетъ вновь красой ласковой,—
То бѣгутъ, бѣгутъ слезы радости,
Блещутъ чувствами умиленія !
Жаждутъ очи ихъ, упиваются
Упоеніемъ жизни райскія !
Не въ поляхъ то, въ часъ полуденный
Пробѣгаетъ вѣтръ, играючи,
И, прохладой вѣя тихою,
Увиваетъ землю жаркую, —
Вылеталъ то вздохъ изъ груди моей,
Изливалъ собой весь восторгъ души . . . .
Ахъ! онъ краше былъ самой радости,
И веселія мнѣ привѣтнѣе !
То не волны, волны бурныя
Прилегли въ своихъ брегахъ крутыхъ;
То не бури, бури грозныя

Замолкаютъ, когда по небу
Выплываетъ луна ясная
Одинокимъ, стройнымъ лебедемъ,
И бросаетъ на уснувшій міръ
Покрывало серебристое, —
То замолкло чувствъ волненіе,
То смирилися мечты мои:
Замирали слова слабыя
Въ устахъ звуками неясными;
Когда слава милой родины
Просіяла звѣздой чудною,
И лучемъ своимъ привѣтливо
Озарила мнѣ восторгъ души. . .
Ахъ, страна, страна родимая!
Не любить тебя—возможно ли? . . .
И кто Русскій не пожертвуетъ
Тебѣ жизнію и счастіемъ? . . .

Тамъ свѣтила выплывали
По лазурнымъ небесамъ,
И безсмертіе ввѣряли
Славнымъ лирою, мужамъ.
То невинностью сіяютъ,

То величіемъ блестятъ, —
То премудрость изливаютъ,
То любовію горятъ!
И лучъ каждаго свѣтила
Блескомъ вѣчности своей
Свѣтитъ, блещетъ славой милой
Милой родины моей!
Съ ней восторги упоенья
Духъ лелѣютъ съ юныхъ лѣтъ;
И, упившись вдохновеньемъ
Съ ней восторженнѣй Поэтъ . . .
Съ ней пріятнѣй жизни сладость
И безсмертіе милѣй;
Съ ней плѣнительнѣе младость,
Самый рай съ ней веселѣй! . . .

Какъ свѣтлый лучъ славы,
Блеснувшій впервые въ отчизнѣ моей,
Пѣвецъ величавый,
Прославившій звучною-пѣснью своей
Край милый, завѣтный,
Край славный, родной, —
Съ улыбкой привѣтной
Предсталъ, весь объятый восторгомъ, хвалой...

Эфирный, прелестный,
Игривый и пылкій какъ рая восторгъ —
Младенецъ небесный
Въ объятьяхъ Пѣвца улыбаясь прилегъ
Какъ міръ, разнобразный,
Онъ милъ для очей,
Для сердца прекрасный,
Какъ первая радость любви юныхъ дней . . .
И музыкѣ рая
Пѣвецъ величавый дитя научалъ!
Цѣвница златая
Въ рукахъ у малютки,—онъ дивно звучалъ!..
Восторгомъ небеснымъ,
Какъ солнце, свѣтлѣлъ, —
Иль тихимъ, прелестнымъ,
Какъ нѣгой, святымъ вдохновеньемъ горѣлъ!...

То края роднаго
Училъ пѣть дѣянья великій пѣвецъ
Пѣвца неземнаго;
То плелъ лучезарный съ нимъ вмѣстѣ вѣнецъ;
То славилъ Науки;
Хвалу пѣлъ Царямъ,
И дивные звуки

Неслись отъ прошедшихъ къ грядущимъ вѣкамъ!
Отчизны любимой
Поэзіи образъ младенецъ являлъ,
Онъ звукомъ родимымъ
Впервыя восторги въ грудь Русскихъ вливалъ!...
Въ Пѣвцѣ жъ, торжествуя,
Того мой взоръ зрѣлъ,
Кто славу родную
Небеснымъ покровомъ безсмертья одѣлъ.

То не воитель въ латахъ, блистающихъ зла-
томъ и славой,
Дивный, сидѣлъ, окруженный несмѣтной тол-
пою Героевъ,
Съ Лирою звучной въ рукахъ на престолѣ,
изъ лавръ сплетенномъ!
Сильныхъ воителей то не Пѣвецъ погибнув-
шей Трои,

Пѣснью своею плѣняющій сонмы веселыя Гре-
ковъ;
Сердце родное почуя въ немъ, отгадала Поэта
Родины милой!... Снимая вѣнецъ съ головы
своей славной,

Онъ раздѣлялъ его воямъ безстрашнымъ Россіи ; — они же
Въ даръ приносили пѣвцу своему доспѣхи и латы ,
Русской покрытые славой ; — мечи и щиты блистающіе
Ярко лучами побѣдъ , и цвѣтущіе лаврами шлемы.
И , соруливъ изъ оныхъ престолъ , на немъ увѣнчали
Славой своею Пѣвца, озарившаго ихъ безсмертной хвалою.
И тамъ онъ, въ жилищѣ, съ восторгомъ святымъ вдохновенья
Снова вѣщалъ имъ дѣла незабвенной отчизны....

Безсмертнымъ Геніемъ летая
На крыльяхъ славы неземной ,
Пѣвецъ, какъ дивный житель рая,
Предсталъ, сіяя, предо мной :
Восторгъ въ очахъ, какъ огнь небесной ,
Неугасаемо горѣлъ,
И лавръ главы его чудесной
Какой-то святостью свѣтлѣлъ.

И лишь на мигъ полетъ свой славной
Пѣвецъ небесъ остановилъ; —
Вновь съ быстротою, думѣ равной,
Великій къ Вышнему парилъ.
Парилъ—и солнцы уступали
Ему свой лучезарный свѣтъ,
И слава съ вѣчностью ласкали
Безсмертный Генія полетъ!
Онъ зрѣлъ, что всѣмъ непостижимо;
Что̀ онъ одинъ могъ созерцать
И, какъ вѣнецъ странѣ родимой,
Въ безсмертной пѣснѣ передать.
Онъ Бога пѣлъ и, удивленный
Въ восторгѣ міръ ему внималъ;
Онъ тайну разгадалъ вселенной
И смертнымъ вѣчностью сіялъ.
Но, подвигъ свой позабывая,
Въ восторгѣ радости взиралъ
Онъ на дѣла роднаго края;
И тамъ на лаврахъ отдыхалъ,
Гдѣ возносилися престолы,
Объяты славою Царей;
И украшалъ временъ глаголы
Небесной пѣснію своей!

На холмѣ, гдѣ вѣчно - цвѣтущій покровъ
Обвилъ ароматами бархатъ луговъ;
Гдѣ рѣзвыя думы игривостью полны,
Неслись, протекали, какъ свѣтлыя волны,
Тамъ рая обитель,—безсмертія храмъ,
Стоялъ, неприступенъ текущимъ вѣкамъ,
Въ немъ жили восторги, лелѣяла радость
Въ немъ Геніевъ славныхъ цвѣтущую младость
Какъ лучшую славу отчизны моей! . .
Тамъ зрѣла пѣвца я въ сіяньи лучей,
Казался онъ весь божествомъ вдохновенія, —
И все въ немъ внушало восторгъ удивленія . .
На урнъ, опершись рукой, онъ лежалъ;
Откуда водъ дивныхъ катился кристаллъ.
То волнами злато, играя, заблещетъ,
То яхонты стелетъ, алмазами блещетъ,
То пѣною черной вдругъ страшно кипитъ,
И волны цвѣтныя игриво дробитъ,
Покорно Поэта стопы лобызая.
Была по преданій рѣка неземная. —
Въ другой же рукѣ онъ цѣвницу держалъ,
Но, славный, не пѣснію нѣжной звучалъ,
Нѣтъ! Вѣчность предъ нимъ раскрывала
скрижали,

Народы ему въ удивленьи внимали ,
Тѣснясь вкругъ Поэта несмѣтной толпой.
Гордился межъ ними Россъ славой родной , —
И солнце Героевъ на небѣ всплывало ,
Красуясь привѣтомъ , пѣвца озаряло ;
Сіяло безсмертьемъ надъ славной главой,—
И все было полно восторгомъ , хвалой ! . .

Когда же Лиру
Пѣвецъ тотъ взялъ ,
И пѣснь Зефиру
Свою ввѣрялъ ; —
Тогда ныряя ,
Луна плыла ;
Восторги рая
Пѣвцу несла :
Въ награду — радость , —
Любовь — въ отвѣтъ.
Какъ думы сладость ,
Лила свой свѣтъ.
И дѣвъ прекрасныхъ
Неслись толпы ;
Милыхъ и ясныхъ ,
Какъ счастія сны.

Онѣ влетали
Къ Поэту въ храмъ;
Лавры бросали
Къ его ногамъ.

—

Тамъ, гдѣ безсмертіе и дружба и любовь
Соединились всѣ въ семью неразлучимыхъ,
Средь вдохновенія, средь радостей любимыхъ,
Пѣвца великаго увидѣла я вновь.
Сидѣлъ онъ близъ него, покрытый сѣдинами,
Съ спокойнымъ, радостнымъ, привѣтливымъ челомъ.
Я старца видѣла, — съ нетлѣнными лучами
Горѣлъ его вѣнецъ безсмертія огнемъ.
Какъ образъ совершенствъ, величественный, милый,
Былъ спутникомъ его видъ дѣвы неземной.
И добродѣтели прекрасное свѣтило
Сіяло надъ ея прекрасною главой
И старецъ тотъ держалъ въ рукѣ вѣнецъ лавровый;
Имъ Русскаго пѣвца съ другимъ соединялъ:
Тотъ Грекъ — и гордо бралъ ужъ лавръ ему не новый!

Софокла славнаго въ немъ взоръ мой отгадалъ.
Близъ Русскаго Пѣвца хранитель величавый —
Его безсмертія и вѣчности залогъ.
Я зрѣла воина ! Покрытый Русской славой ,
Великъ , прекрасенъ онъ , какъ къ родинѣ любовь , —
И мечъ его горѣлъ свободою Россіи.
Оковы родины онъ попиралъ ногой ,
И щитъ , какъ зеркало , гдѣ радостно впервые
Глядѣлось Мужество сыновъ страны родной . . . .
И воздухъ вкругъ него роднымъ привѣтомъ дышетъ ;
Къ Герою Русскому духъ Русскаго влечетъ ;
При немъ играетъ жизнь , восторгомъ духъ колышетъ ;
И кто жь Донскаго въ немъ теперь не узнаетъ ? . .

Тамъ , гдѣ роза неземная
Вѣчной прелестью цвѣтетъ ,
Миртъ нетлѣнный обнимая ,
Образуетъ дивный гротъ ,—

Тамъ увидѣла небесныхъ
Я безсмертную семью,
И восторги душъ прелестныхъ
Волновали грудь мою! . . .
Тамъ пѣвецъ съ улыбкой страстной,
Съ нѣгой томною лежитъ,
И надъ нимъ, какъ небо, ясна,
Непонятна и прекрасна,
Дѣва свѣтлая стоитъ . . .
Какъ мечта, она крылата;
Вдохновенна, какъ восторгъ;
Какъ природа, всѣмъ богата,
И таинственна, какъ Богъ! . . .
Безконечна, неизмѣнна,
Какъ временъ благихъ полетъ,
И красы ея нетлѣнны
Кто-то дивный стережетъ.
Тонкой дымкою эѳира
Заслонилъ ихъ предо мной;
И лишь только вздохъ зефира
Шелеститъ ее порой.
Зрѣла я, какъ неземная
Непримѣтною рукой
Отдала Поэту рая

Лавръ съ нетлѣнною красой.
И младенецъ легкокрылой
Неразгаданною силой
Вдругъ меня околдовалъ! . . . .
Надъ Поэтомъ онъ леталъ;
Дуновеніемъ Зефира
Съ Лирой стройно говорилъ,
И, какъ первый день для міра,
Онъ прекрасенъ сердцу былъ. . . .
Онъ игривъ; безпеченъ, ясенъ,
Какъ весна души младой,
И плѣнительно опасенъ
Рѣзвою своей красой . . .
И какимъ-то упоеньемъ
Томный взоръ его дышалъ:
Сердцу радости внушалъ,
Душу тѣшилъ наслажденьемъ! . . :
Зря его, въ моей груди
Чувства странно пламенѣли;
И раждалися мечты,
Неизвѣстныя доселѣ . . . .
Сердце билось, въ жилахъ кровь
Вдругъ сильнѣе заиграла;
И мнѣ что-то прошептало:
— Берегись! Дитя — любовь. . . .

Но, какъ снова я
Удивилася,
Какъ увидѣла
Лиру чудную.
Вкругъ нея, надъ ней,
Парятъ Геніи,
Напѣваютъ ей
Пѣсни Вѣчности.
Бережетъ ее
Слава дивная;
Дышетъ радостно
Ей безсмертіемъ.
Дѣвы милыя
Къ ней слетаются,
Навѣваютъ ей
Любовь счастіемъ! . . .
Но не внемлетъ имъ
Лира грустная,
И средь радости
Сиротой лежитъ! . . .
Ужь какъ нѣтъ у ней
Пѣвца юнаго,
Не голубитъ онъ
Ее, сирую;

Не лелѣетъ онъ
  Струны звучныя;
Не поетъ на нихъ
  Пѣсни славныя . . .
И цѣвница та
  Звукъ таинственный
Издаетъ порой,
  Одичалая! . . .
Но призывный звукъ
  Не летитъ къ нему,
Безотвѣтно онъ
  Въ даль уносится!
Ахъ! кудь жъ, Пѣвецъ,
  Куда скрылся ты? . . .
Иль наскучили
  Тебѣ радости?
Иль чуждаешься
  Ты безсмертія?
Или славы звукъ
  Не гремитъ тебѣ? . . .
Прояснилась страна дальняя
  Что же встрѣтила я вновь? . . .
Безотрадная, печальная,
  Какъ забытая любовь,

Тѣнь, какъ призракъ отчужденія,
    Безпріютная, стоитъ;
За струей рѣки забвенія,
    Одинокая, слѣдитъ . . .
Ловитъ волны; но прекрасныя
    Не хотятъ *ему* внимать ,
И красы свои алмазныя
    Несчастливцу расточать ! . . .
Не хотятъ *его* страданія
    Смыть забвенія водой ! . .
Лишь одни воспоминанія
    Неотступною толпой
Вкругъ летаютъ, одичалыя . . .

        Какъ нерадостный взоръ
    Сердцу милаго
        Тяготитъ меня
    Отчужденный видъ
        Пѣвца грустнаго ;
    И невольно душа
        Затуманилась.
    И сказала мнѣ вдругъ
        Моя спутница :
    «Здѣсь ты видишь Пѣвца

Лиры славной той,
Что лелѣетъ въ раю
Слава вѣчная;
Но бѣжитъ отъ нея
Молодой Пѣвецъ, —
И чуждается онъ
Самой радости.
Но пусть самъ передастъ
Онъ тоску свою;
Пусть споетъ тебѣ пѣснь,
Пѣснь завѣтную;
Да къ родимой странѣ
Долетитъ она!»

И помчалась Дѣва милая
Къ тѣни быстрою стрѣлой;
И вдругъ, что́ жъ?... Всегда игривая,
Всегда полная красой,
И живая и веселая,
Стала вдругъ грустна она,
И легла печаль тяжелая,
Какъ могилы пелена,
На чело ея прекрасное!...

Волны кудрей расплелись,
И одежды ея ясныя
Черным крепом облеклись!
И, поэта неизвѣстнаго
Взявъ эѳирною рукой,
Понеслась опять, небесная
Съ нимъ къ странѣ она святой . . . .

Онъ летѣлъ—и на струнахъ
Дивный звукъ
Слышенъ вдругъ,
И твердитъ его въ поляхъ
Эхо радостное.
Взялъ онъ лиру, что́ же? вновь
Лавръ цвѣтетъ,
И несетъ
Каждый листъ ему любовь
Оживляющую . . . .
Онъ запѣлъ;—ему внимать
Все спѣшитъ,
Все молчитъ.
Но могу ль я передать
Пѣсню горестную? . . .

— « Зачѣмъ родимые напѣвы
Ты пробудила, лира, вновь, —
И духъ волнуешь, какъ любовь
Волнуетъ сердце юной дѣвы ?
О! смолкни, смолкни, звукъ родной,
И не тревожь души усталой;
Въ груди изсохшей, одичалой,
Ты чувствъ былыхъ кипящій рой
Страшись будить воспоминаньемъ!
Они молчатъ, какъ предъ грозой
Умолкнетъ бурь свирѣпый вой
И стихнетъ все, и въ ожиданьи
Все спитъ дремотой роковой !
Но страшно, страшно пробужденье ;
Оставь же сонъ душѣ моей ,
Минутный сонъ, и бурь волненье! . . .
Не пробуждай минувшихъ дней !
Я пѣсни радостной твоей
Не дамъ бывалаго отвѣта. . . .
Не приголублю, другъ, тебя ?
Давно забылъ восторги я ,
Давно отвыкъ я отъ привѣта ! —
Не для меня въ струнахъ твоихъ
Игриво радость пробѣгаетъ !

Не мнѣ ихъ слава осѣняетъ
Крылами Геніевъ младыхъ!
Я чуждъ, я нѣмъ для наслажденья;
Прекрасной славы не ищу, —
И васъ, порывы вдохновенья,
Я, отчужденный, не хочу!
Давно ужасный бичъ страданья
Мои надежды погубилъ;
Давно, давно свои желанья
Я въ мрачномъ сердцѣ схоронилъ!.
Нѣтъ! я не тотъ, какъ было прежде,
Покорный счастію пѣвецъ, —
Когда сплетался мнѣ вѣнецъ
Рукою вѣтреной надежды.
Въ пылу веселій и тревогъ,
Обуреваема желаньемъ,
Душа кипѣла, какъ восторгъ,
И былъ весь міръ очарованьемъ, —
И въ жилахъ пламенныхъ не кровь
Струею огненной бѣжала, —
Нѣтъ! жизнь въ нихъ щедро разливала
Восторги, радость и любовь!
Когда я, жертвъ не признавая,
Былъ радъ и жизнь, и все отдать

Для счастія роднаго края! . . . .
Мнѣ было сладко умирать! . . .
Я мало жилъ, но жилъ душою
И жизни юной не щадилъ! . . .
Зрѣлъ смерть съ надеждою святою
И свой удѣлъ благословилъ.
Души моей взмужала сила
Любовь въ ней къ родинѣ цвѣла;
Но все прошло, что было мило, —
И ты, отчизна, какъ могила,
Мои всѣ чувства погребла . . . .
Зачѣмъ же вы, мечты святыя,
Вновь пробудили пылкій умъ?
Зачѣмъ восторгу прежнихъ думъ
Напѣвы вторили былые,
И звукъ поэзіи родной,
Зачѣмъ вновь овладѣлъ душой?
Онъ пылкаго ея стремленья
Въ грудь Русскаго не перельетъ, —
И не пробудитъ грустный Геній
Пѣвца младаго вдохновеній,
И про отчизну не споетъ.
Зачѣмъ мнѣ слава вѣчной жизни?
Мнѣ чуждо все, мнѣ нѣмъ восторгъ, —

И рая радостный чертогъ,
Грустнѣй, чѣмъ степь моей отчизны!
Всѣ бъ наслажденья отдалъ я
За мигъ единый бытія:
Чтобъ лишь узрѣть поля Россіи,
Народовъ Русскихъ сонмъ родной
И гробы праотцевъ святые
Обвить пылающей мечтой;
Чтобъ пѣснь завѣтную, былую
Въ послѣдній разъ имъ передать. —
И всю страну мою родную
Очами жадными обнять!
Потомъ исчезнуть, какъ мгновенье,
Въ несуществѣ небытія,
И жить лишь мигъ; но мигъ тотъ я
За долгія вѣковъ стремленья
Не отдалъ бы! Тогдабъ я жилъ
Любовью къ родинѣ священной,
И прелесть жизни сокровенной
Я бъ имъ для смертныхъ пролилъ!
Я знаю, люди не поймутъ,
Не оцѣнятъ моихъ желаній
И не постигнутъ упованій!
Съ душой холодной не далуть

Они мечтѣ моей отвѣта . . . .
Для нихъ чужда душа Поэта ,
Ихъ сила чувства не живитъ ,
Ихъ жизнь души не проявитъ.
И пусть имъ блещетъ наслажденье
Съ его привычной пустотой , —
Я не отдамъ тоски волненье
За ихъ и радость и покой!
За ихъ хвалу я не нарушу
Святыню милыхъ, прежнихъ думъ ,
И не проникнутъ они въ душу
И не взволнуютъ пылкій умъ.
Что голосъ осужденій свѣта ?
Глаголъ ничтожной суеты !
Я не хочу его привѣта —
И презираю клеветы ! . .

И ты , лира одинокая,
Тѣнь мою не призывай ;
Ей удѣлъ печаль глубокая
И пустыня самый рай !
Оборвитесь, струны милыя ,
Вамъ не пѣть страны родной ;

Пусть напѣвы ваши сирые
Не волнуютъ грудь тоской!
Пусть рука къ вамъ дерзновенія
Не коснется пришлеца;
Пусть покроетъ васъ забвеніе,
Какъ угрюмаго пѣвца!...»

Онъ сказалъ,—вѣтра вой
Вдругъ нежданной грозой
Пробѣгаетъ по струнамъ печальнымъ!
Оборвалъ ихъ, и звукъ,
Какъ вздохъ грустный разлукъ,
Отозвался напѣвомъ прощальнымъ....
И, угрюмъ, и уныль,
Лиру онъ положилъ
И надъ нею поникъ головою....
Какъ-бы счастіе вновь,
И восторгъ и любовь,
Онъ утратилъ печальной душою!
И блеснула слеза,
Какъ могилы роса,
На челѣ его, грустью покрытомъ.
Онъ взвился и исчезъ

Въ дальней степи небесъ
Сномъ минутнымъ, неяснымъ, забытымъ.

И невольно взоръ летѣлъ
Вслѣдъ за тѣнью грустной.
Духъ невольно онѣмѣлъ
И рой думъ невнятныхъ
Закипѣлъ въ душѣ моей,
Чувства возмущая.
Вдругъ средь радужныхъ лучей,
Блескомъ ослѣпляя
Вся въ таинственномъ огнѣ,
Дѣва съ радостію мнѣ
Дивная предстала!
И съ улыбкой на устахъ
Съ дивнымъ пламенемъ въ очахъ,
Мнѣ она сказала:
— « Разскажу тебѣ, кто я?. —
Я зовусь Мечтою:
Часто смертные меня
Дѣлаютъ судьбою.
Мнѣ подвластна жизнь людей
И весь міръ прекрасный; —

Средь богатыхъ алтарей,
Въ хижинѣ несчастныхъ;
Въ шумѣ свѣта, въ тишинѣ,
Все вездѣ покорно мнѣ.
Волей самовластной
Всѣмъ законы издаю.
То печаль, то радость лью
Для людей всечасно.
Но когда душѣ твоей
Сердце *что-то* скажетъ,
И для радостныхъ очей
Милаго покажетъ, —
Не ввѣряй велѣнью ты
Юнаго желанья!
Не любовь, однѣ мечты
Сердцу упованья . . . .
Ты ихъ встрѣтишь наконецъ . . .
И лавровый пустъ вѣнецъ
Не плѣнитъ собою
Думъ твоихъ: повѣрь мнѣ, онѣ
Вамъ не славою сплетенъ —
Но одной мечтою
Всѣ: Герой, Мудрецъ, Поэтъ,
Пылкою душою

Всѣ летятъ за славой въ слѣдъ,
И бѣгутъ за мною.
Счастье, роскошь и любовь,
Слава, упованье, —
Всѣ видѣнья сладкихъ сновъ,
Все—игра мечтанья! . . .
И, мечту мечтой гоня,
Міръ вертится вкругъ меня,
Какъ вкругъ солнца жизни,
Озаряясь суетой . . .
Но не льзя назвать мечтой
Чистую любовь къ отчизнѣ! . . .
Не мечта! Въ душѣ горитъ,
Какъ огонь прекрасный,
Честь,—и съ нею не страшитъ
Самый рокъ ужасный.
А любовь къ странѣ родной?
Что̀ ея дороже?
Возраститъ она съ душой,
И на дѣтскомъ ложѣ
Пѣснь родимую поетъ;
Сердцу юному даетъ
Радость, упованье.
Ахъ, люби свою страну,

И твое не обману
  Я очарованье! —

Наскучивъ міра суетами
Съ однообразностью нѣмой,
Людей привычными дѣлами
И ихъ привычною тоской, —
Меня земное тяготило;
Мнѣ душно стало средь людей! . . .
Наскучили чредой своей:
Все то жъ рожденье, жизнь, могилы. . .
Мнѣ надоѣло раздѣлять
Межь ними радость и страданье!
Однимъ—представить упованье;
Другихъ—въ отчаянье ввергать;
Питать ихъ гордости волненья;
Трубить имъ славы ложный звукъ;
Лелѣять вздохъ любви, разлукъ,
И зрѣть, всегда безъ измѣненья,
Все то же солнце въ небесахъ,
Все тѣ жъ поля, пригорки, долы,
— — — — — — — — — —
Судьбы неправой самовластье,
Временъ погибельный полетъ,

И тотъ же міръ, и тотъ же свѣтъ,
И то же счастье и несчастье
Мнѣ надоѣли! . . И съ тобой,
Въ часы міровъ отдохновенья,
Тебѣ навѣя *Сновидѣнье*, —
Летѣла я къ странѣ святой,
Гдѣ разнобразность наслажденья
Твой юный духъ постигнуть могъ,
Гдѣ воздухъ—вѣчность, упоенье;
Свѣтило радости—восторгъ,
И гдѣ невѣдомъ рядъ страданій.

— — — — — — — — — —

Гдѣ ужъ не призракъ—упованье,
И гдѣ блаженство — не обманъ;
Любовь безъ грусти, безъ разлуки,
Безъ осужденья, безъ измѣнъ;
Гдѣ славы вѣчной дивны звуки
Не заглушитъ полетъ временъ!
Тамъ ты увидѣла впервые
Родимой славы блескъ святой;
Лучи безсмертія родные
Тебя восхитили собой.
Поэтовъ Русскихъ ты встрѣчала,
Объятыхъ славой неземной;

Гдѣ вѣчность щедрою рукой
Ихъ вдохновенье увѣнчала. . .
Они счастливы;—но груститъ
Одинъ межь ними сиротою! . . .
О! пусть тебя онъ не страшитъ
Своей угрюмою судьбою! . . .
Какъ грозный міръ, не обречешь
Его ты память на страданье,
Ты оцѣнишь его мечтанья
И душу пылкую поймешь.»

«Но, прости, пора разстаться
Намъ съ тобой! оконченъ путь!
Ужь довольно намъ скитаться,
Въ міръ иди ты отдохнуть!
Скоро мнѣ съ тобой свиданье;
Повстрѣчаемся мы вновь; —
Про разлуку, про любовь,
Про печаль, про упованье,
Я тогда тебѣ спою . . . .
Я пропѣла *Сновидѣнье*,
И ты, вѣрно, безъ сомнѣнья,
Разгадала пѣснь мою! . . .
Пробудись!» . . . И я проснулась

Боязливо оглянулась. . . .
Ясный день давно сіялъ;
Солнце огненно пылало ;
Вѣтръ прохладу навѣвалъ;
Ни одна не затмѣвала
Туча ясный небосклонъ.
Я проснулась и робѣла:
Думать въ радости не смѣла,
Что окончился мой сонъ. . . .

ЭПИЛОГЪ.

Не хвала съ красой обманчивой
Мнѣ свѣтлѣла упованіемъ;
Не желаніе безсмертія
Увлекало думы юныя!
Нѣтъ! не слава прихотливая
Отдаленнымъ блескомъ радости
Зажгла въ сердцѣ огнь Поэзіи;
Я не вѣрю ей, какъ сну счастія!
Пролетитъ она, какъ мгновеніе;
Приласкаетъ насъ такъ привѣтливо, —

И убьетъ потомъ небреженіемъ. . . .
Нѣтъ! не ей, не ей, Геній юный мой,
Ты высказывалъ свои радости
И ввѣрялъ свое упованіе! . . .
Нѣтъ! одна любовь къ милой родинѣ
Волновала духъ мой восторгами;
Возжигала огнь въ чувствахъ пламенныхъ,
Собирала рой перелетныхъ думъ
И огнила грудь вдохновеніемъ! . . .
Ахъ, страна моя ты родимая!
Какъ мила всегда ты сынамъ своимъ!
Все прекрасно въ томъ, кого любимъ мы! . . .
Забушуешь ли непогодами,
Зашумишь ли ты вьюгой бурною, —
Твой не страшенъ вой сердцу Русскому!
Усыпитъ его онъ страданія;
Убаюкаетъ его горести! . . .
Иль навѣетъ вновь ему радости! . . .
Намъ твой снѣгъ милѣй чужеземныхъ розъ;
Какъ набросишь ты ковры бѣлые,
Какъ устелешь ихъ все алмазами;
Когда взглянетъ къ нимъ солнце красное,
Наведетъ на нихъ разноцвѣтный лучъ
И разсыплется милліонами! . . .

Какъ оно горитъ въ лучахъ пламенныхъ,
На снѣгахъ блеститъ неизчислимыхъ, —
Такъ горитъ любовь въ груди Русскаго
Къ милой родинѣ, неизмѣренно
Въ чувствахъ пламенныхъ! Ты прими, прими,
Пѣсню первую, приголубь ее
Ты привѣтливо упованіемъ!
Пусть любовь къ тебѣ, какъ покровъ святой
Защититъ ее отъ погибели! . . .
Какъ въ весенній день птичка юная,
Изъ гнѣзда впервые вылетѣвъ
Пѣсню первую вѣткѣ той поетъ,
Что̀ лелѣяла ея молодость;
Прикрывала въ непогодушку,
Усыпляла колыханіемъ; —
Такъ и я въ благоговѣніи
Приношу тебѣ мой слабый даръ....
Въ тебѣ первыя мнѣ радости
Увлекали думы юныя;
Въ тебѣ счастіе привѣтное
Озлатило мою молодость;
Въ тебѣ пламя вдохновенія
Взволновало грудь восторгами,

Въ тебѣ все то, чѣмъ душа живетъ;
И тебѣ мой Геній съ радостью
Отдалъ первыя мечтанія
И надежды лучъ приманчивый!..

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Стр.*	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
22	1	совершество	совершенство
24	8	Взора не слѣпитъ	И не слѣпитъ
28	6	Шумя	Шутя
30	5	Но роса	Не роса
56	12	Чистую любовь	Честь, любовь
63	11	впервые вылетѣвъ	впервый вылетѣвшая